

J. JABLONSKIO BYLOS MEDŽIAGA

Liepojos žandarų rotmistro Vonsiackio sudarytoji 1900 metais L. Vaineikio byla palietė daug lietuvių inteligentų. Į jos sūkurį pateko ir J. Jablonskis, tuo laiku gyvenęs Taline (Revelyje) ir dirbęs Aleksandro gimnazijoje klasikinių kalbų mokytoju. Jo bute buvo padaryta krata, buvo rasta kiek inkriminuojamos medžiagos. J. Jablonskis turėjo pasitraukti iš darbo, o vėliau buvo dar ištremtas į Pskovą.

Tačiau iki pastarojo laiko nebuvo žinoma svarbių J. Jablonskio kratos ir bylos aplinkybių – nei kada buvo krėstas, nei kas per kratą iš tikrųjų rasta. Laimė, kad Estijos TSR Centriniam valstybiniame istoriniame archyve (Tartu m.) išliko J. Jablonskio asmens byla, apimanti laiką nuo 1888 m. lapkričio 3 d. iki 1905 m. gruodžio 13 d. (f. 384, ap. 1, b. 3792). Šioje byloje, be kitų dokumentų, yra ir jos pasiaiškinimai, rašyti mokyklos direktoriui P. Pogodinui dėl kratos ir vėlesnių tardymų. Mokyklos direktorius šiuos J. Jablonskio raportus kartu su savo lydraščiais ir paaiškinimais siųsdavo Rygos mokslo apygardos globėjui A. Švarcui.

J. Jablonskio pasiaiškinimai skelbiami iš mikrofilmo, kurį maloniai atsiuntė Estijos TSR CVIA vadovybė. Publikacijoje originalo rašyba pakeista dabartine. Skyryba ir pabraukimai – J. Jablonskio.

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ РЕВЕЛЬСКОЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ГИМНАЗИИ.

Преподавателя Ревельской Александровской гимназии И. Яблонского

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

30 октября с. г., в 6½ ч. вечера, чинами Эстляндского Губернского Жандармского Управления, при участии прокурорского надзора, был произведен в моей квартире обыск. При этом мне было объявлено, что у меня будут искать доказательств моего участия в „литовском революционном и сепаратистическом движении“. Уже во время обыска чины Жандармского Управления сказали мне, что они явились на мою квартиру по отдельному требованию чинов полиции Гробинского уезда и Либавского порта.

На предложение жандармского офицера показать, где у меня хранятся запрещенные издания и вся моя переписка, я ответил, что у меня нет решительно ничего запрещенного правительством, а что кое-какие письма, вероятно, найдутся в письменном столе и между бумагами. Затем чины Жандармского Управления приступили к обыску. Они забирали у меня все имевшиеся у меня литовские книги, многие издания на немецком и

Кавказский

Handwritten notes and signatures, including the name 'С. П. П.' and other illegible scribbles.

В.о. Преложениям
Генерал-Губернатору Кавказского края

Handwritten notes in the left margin: 'Уч. Комитет 23 января 1864 г. Преложениям к Генерал-Губернатору 1864 г.'

Преложениям Кавказского
Генерал-Губернатора
Кавказского края
Кавказского

Промени

В виду изъяснения на сев. стороне
Кавказа, оных и не соответствующих ее условий, а
также изъяснения условий в существе предла-
гаемых предположений Кавказского края ас-
социации сев. стороны Кавказа Преложениям
отъ изъяснения сев. стороны Кавказа в
существом пред. государственного предла-
жения Кавказского Генерал-Губернатора

Самъ изъяснение сев. стороны
как и много изъяснений, о которыхъ уже
сказано выше, не соответствующихъ сев.
в виду не соответствия сев. стороны
Кавказа (в 1860 г. изъяснение предположений
Кавказского Генерал-Губернатора Кавказского
государственного предположения предла-
жения Кавказского

Кавказского

1. Ревель, 9. сент. 1864.

польском языках и кое-что на русском языке; брали все рукописные материалы, письма и отдельные клочки бумаги, на которых было два-три слова, обращавших на себя внимание своею „загадочностью“. Так как производившие обыск чины действовали, повидимому, поспешно, то взяла по недосмотру даже такие книги, как словарь Вейсмана, греч. грамматика Коха, программы по древним языкам и многое другое в этом роде. — Обыск продолжался около трех часов. По окончании обыска мне объявили, что для разбора взятых у меня книг и бумаг пригласят компетентных лиц в Жандармское Управление.

1-го ноября, в 5 часов вечера, начался в моем присутствии разбор отобранных у меня книг и бумаг. При этом разборе, кроме меня, были чины Жандармского Управления, два товарища прокурора, переводчик и цензор. Разбор всего материала продолжался четыре часа. — Мне были возвращены книги, относительно которых можно было доказать, что они пропущены нашею цензурою, списки литовских слов и некоторые черновые заметки с объяснениями значения литовских слов; были взяты почти все литовские книги (печатанные в прошлом, в первой половине текущего столетия и в последнее время), рукописи (сборники народных песен, сказок, преданий, кратких рассказов из народного быта), все письма и заметки не лексического характера. Между взятыми у меня печатными изданиями нет ни одной книги вредного направления; запрещенных периодических изданий нет ни одного. Литовские книги, взятые у меня, — либо древние издания (молитвенники, сборники проповедей, катехизисы...), либо самые невинные книжечки, печатанные латинским и русским шрифтами. Между ними изданий новейшего происхождения найдется не более десяти. — Все письма, оказавшиеся во время обыска между бумагами и в письменном столе и взятые у меня производившими обыск, получены мною от моих знакомых; в них трактуется главным образом о вопросах языка. Между ними нет ни одного такого, чтобы из него явствовало, что я поддерживаю сношения с злонамеренными людьми. Между бумагами оказался черновик одного письма, посланного когда-то одному из моих товарищей (по гимназии), приглашавшему меня принять участие в составлении статей для заграничной литовской повременной печати. В этом письме, как явствует из взятого у меня черновика, я наотрез отказывался принять участие в недозволенной работе.

Все вещи, взятые у меня во время обыска, свидетельствуют, надеюсь, лишь о том, что я, как филолог, литовец, редактор издаваемого Академиею наук Литовского словаря А. Юшкевича и действительный член Императорского Географического Общества, и интересуюсь и вопросам, связанными с изучением лит. языка и лит. этнографии. Во время ежегодных поездок, которые я совершал по Литве как по своему собственному почину, так и по поручению Академии наук и Императорского Географического общества, я собирал все, что служило к выяснению языка литовцев. Плодом этих поездок и явились взятые у меня материалы. Многие мои друзья и даже незнакомые мне лица, веря мне материалы по языку и этнографии, были, конечно, уверены, что я когда-нибудь воспользуюсь ими для научных целей. Как бы то ни было, было бы очень прискорбно, если бы хоть часть этих материалов теперь затерялась.

В виду всего вышеизложенного имею честь покорнейше просить Ваше Высочество, не найдете ли возможным употребить зависящие от Вас меры к тому, чтобы, во 1-х, дело, которое я считаю лишь прискорбным недоразумением, было выяснено и доведено до конца как можно скорее, и во 2-х, чтобы мне были возвращены в целостности в самом непродолжительном времени взятые у меня материалы, так как они необходимы мне для продолжения работ, которым я посвящаю свободное от учебных занятий время.

г. Ревель, 2 ноября

Ив. Яблонский.

**ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ
ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ РЕВЕЛЬСКОЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ГИМНАЗИИ.**

*Преподавателя Ревельской
Александровской гимназии
Ив. Яблонского*

РАПОРТ

Вчера, 29 ноября, помощник Начальника Эстляндского Губернского Жандармского Управления, при участии товарища прокурора, допрашивал меня „в качестве свидетеля по делу секретного характера“ После допроса мне были возвращены почти все найденные у меня во время обыска рукописи. 27 из числа взятых книг удержаны, как, отпечатанные недозволенным в России латино-польским шрифтом, причем объявлено под росписку, что книги эти я могу получить обратно, если в шестинедельный срок исходатайствую от Господина Министра Внутренних Дел разрешение хранить их у себя.

Взято у меня четыре „вещественных доказательства“: одна записка, писанная красными чернилами, черновик одного письма, отправленного года два тому назад моему земляку и товарищу по гимназии, доктору Викентию Кудырке, книжка в черном клеенчатом переплете и „сообщение“, отпечатанное с разрешения цензуры каким-то литовцем на русском и литовском языках.

Про существование у меня записки, писанной красными чернилами, я было, совершенно забыл, и только по предъявлении её мне вчера вспомнил, что я действительно когда то её писал. Она писана три года тому назад, никуда не посыдалась в том виде, как составлена, и нигде не была напечатана. Помнится, что я её составил под впечатлением писем бывшего моего товарища по гимназии, тяжко больного (чахоточного) человека, Викентия Кудырки. Движимый чувством жалости в особенности к нему, я предлагаю в этой записке устраивать товарищество взаимопомощи на те случаи, когда кому-нибудь из литовцев приходится терпеть нужду за пределами родины*. Содержание оставшейся у меня записки было передано в письме д-ру Кудырки, как ободрительное и успокоительное средство в виду выказывавшихся им опасений.

Что мысли мои, высказанные в письме на имя Вик. Кудырке, нигде не получили огласки (не были напечатаны), — это видно из черновика второго моего письма, оставленного при деле. В этом письме я благодарю Вик. Кудырку за то, что он не злоупотребил моим доверием и не напечатал того, что я писал ему лишь как старому приятелю и товарищу. В том, что упомянутое письмо не было напечатано, Жандармское Управление само могло бы, мне думается, убедиться, если бы просмотрело за последние три года главные литовские органы. — В черновике второго же письма я говорю, кроме того, что Вик. Кудырко напрасно считает меня продавшимся человеком, так как, не желая по некоторым мотивам писать статей для литовских изданий и отказываясь от сотрудничества в них, я все же работаю над изучением литовского языка. В том же письме я выговариваю Викентию Кудырку за то, что некоторыми моими замечаниями филологического характера он всетаки воспользовался, предав их после самостоятельной обработке глас-

* О литовском вопросе (о преследовании литовской печати, об арестах и выселках литовец из пределов родины) приходилось в то время читать и в русских изданиях.

ности. Таково содержание взятого у меня черновика, второго „вещественного доказательства“.

Своей переписки с Викентием Кудырко я никогда не считал злокачественною. Кто будет судить о моем умонаклонении по обоим упоминаемым здесь вещественным доказательствам, тот должен будет признать, что я стараюсь оставаться на законной почве. Вот почему, как Ваше Высокородие, так и его Превосходительство Господина Попечителя Учебного Округа я уверял, что между взятыми у меня во время обыска вещами не может быть ни какого „*corpus delicti*“. Уверял я в этом еще и потому, что очень хорошо знал, что с лицами, относительно которых производится в последнее время дознание, я не переписывался, по крайней мере, ни по одному вопросу, имеющему связь с печатанием и распространением литовских книг и газет. При той массе лиц, относительно которых теперь, как я узнал, производится дознание, невозможно было бы, чтобы у кого-нибудь из них не оказалось хоть одного изобличающего меня документа, если бы таковой когда-либо действительно существовал. То обстоятельство, что я переписывался с д-ром Кудыркою, черновики писем к которому у меня нашли, я совершенно упустил из виду, тем более, что в последнее время я с ним прекратил всякую переписку, а в настоящее время его нет уже даже в живых.

На книжку в черном клеенчатом переплете, с литовскими словами, пословицами, поговорками, загадками и другими мелочами, Жандармское Управление обратило внимание только потому, что в ней на одной (45-ой?) странице помещена чье-то рукою запись о том, что куда-то даны некоторые литовские книги и газеты. Все заметки в книжке писаны не мною и не для меня; запись о выдаче книг писана не тою рукою, которою занесены разные имеющие для меня значение, филологические заметки. Жандармское Управление считало эту книжечку и занесенную в неё запись писанными мною. Книжка эта с записью попала ко мне в числе разных других материалов по литовскому языку. Она мною ещё не была просмотрена, и о существовании в ней особой записи, я не мог знать. Я просил Жандармское Управление произвести экспертизу почерков — моего, писавшего книжку и внесшего запись. В „сообщении“, напечатанном на двух языках с разрешения цензуры, приводится содержание прошения, поданного жителями г. Вильны на имя Виленского р.-католического епископа, и ответа канцелярии епископа на это прошение. Некоторые жители г. Вильны просят своего епископа разрешить какому-нибудь римско-католическому священнику говорить в одном из Виленских костелов проповеди на их родном с литовском) языке. В ответе канцелярии епископа сказано, что ходатайство это, вероятно, будет удовлетворено Его Преосвященством. Зачем понадобилось это „сообщение“ лицу, печатавшему его, и Жандармскому Управлению, взявшему его у меня в качестве вещественного доказательства, — я решительно не понимаю.

Наконец, спрашивали меня прямо, что мне известно о преступной деятельности некоторых литовцев. Но это уже не касается лично меня, а потому говорить об этом считаю неуместным.

Преподаватель Ревельской

Александровской гимназии Ив. Яблонский.

г. Ревель. д. 30 ноября 1900 г.

*ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ
ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ РЕВЕЛЬСКОЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ГИМНАЗИИ*

*Преподавателя Ревельской Алек-
сандровской Гимназии Ивана Яб-
лонского*

РАПОРТ.

Сим имею честь довести до сведения Вашего Высокородия, что, согласно отдельному требованию жительствоющего в г. Либаве Ротмистра Отдельного Корпуса Жандармов Вансяцкого 15 и 16-го декабря я давал в канцелярии ротмистра Штольценбурга объяснения в качестве обвиняемого по 252 и 318 ст. Ул. о нак. — Взятый у меня залог в 500 рублей будет, согласно сообщенному мне разъяснению ротмистра Вонсяцкого, возвращен мне на днях. — Рапорт о подробностях объяснений, касающихся лично меня, будет представлен в самом непродолжительном времени.

Ив. Яблонский.

г. Ревель, д. 17 дек. 1900 г.

*ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ
ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ РЕВЕЛЬСКОЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ГИМНАЗИИ.*

*Преподавателя Ревельской
Александровской гимназии Ива-
на Яблонского*

РАПОРТ.

В дополнение к рапорту от 17 сего декабря имею честь довести до сведения Вашего Высокородия следующее:

15 сего декабря мне было прочитано постановление ротмистра Вонсяцкого, в коем последний приводит основания, побудившие его применить по отношению ко мне 252 и 318 ст. Улож. о нак.

Все постановление, насколько могу восстановить сейчас в памяти, сводится к следующему:

Что взятая у Яблонского „статья“ (ковычки, скобки и курсив везде принадлежит мне) была где-либо напечатана, — установить в Либаве нельзя за неимением всех периодических изданий на литовском языке; но эта „статья“, судя по заглавию и обработке, во всяком случае была предназначена для печати. Черновик письма, взятый у Яблонского, не может служить каким-либо доказательством, как документ, писанный им самим, и должен быть признан фиктивным. Дознанием установлено, что невинные статьи по литовской филологии, печатанные в газете „Vargas“ за подписью „Obelaitis“ (в названной газете везде напечатано, как мне сообщали при допросе в качестве свидетеля, „Kazim. Obelaitis“) принадлежат ему, Яблонскому, и таким образом установлен факт сотрудничества Яблонского в противоправительственном издании. Составленная Яблонским „статья“, при сопоставлении с тем, что последний является сотрудником

противоправительственного органа, издающегося в *Тильзите* („*Varpas*“), получает должную окраску. Указание Яблонского, что записная книжка (т. е. тетрадь с филологическими заметками, имеющая вид записной книжки), в коей записана передача в Луоки значительного количества преступных изданий, принадлежит не ему, причем не указывает кому, также всецело остается вещественным доказательством, его уличающим. Преступления сего рода предусмотрены статьей 252-ю Улож. о наказ. — Статья Яблонского изобличает полное знакомство автора с преступной литовской организацией, существующей в России, что возможно лишь для человека, вполне посвященного в подобного рода конспиративные дела, т. е. члена этого же сообщества; принадлежность его к этому сообществу устанавливается как вышеприведенными данными, так и близким знакомством его с известным политическим деятелем Кудыркою и знакомством с обвиняемыми по настоящему делу, членами вышеуказанного сообщества. Преступления сего рода предусмотрены 318-ю статьей Улож. о наказ.

Затем мне предлагали много вопросов, касавшихся моей жизни и деятельности. На предлагавшиеся вопросы я давал ответы. 16 декабря я писал объяснение по поводу вышеприведенного постановления. Сегодня мною подана особая записка, долженствующая служить дополнением к тому, что я говорил жандармскому ротмистру 15 и 16 декабря. Писал приблизительно следующее:

1). Ни о какой преступной литовской „организации“, членами которого состоят Вайнейкис, Шлюпас, Пожелло, Чапас, Монгирд, Ляндсберг, Янулайтис, Кайрукитис и др., я не знаю, и даже не верю в существование таковой организации: все поименованные лица, насколько мне известно, разбросаны по всему лицу русской земли,¹ одни уже пожилые, другие только достигающие зрелого возраста, едва ли они могут сплотиться в одно сообщество. Если эти лица, чего я не думаю, и составляют какое-нибудь одно сообщество, то во всяком случае я не состою членом этого сообщества. Их знаю, но в сношениях* с ними не был: с Кайрукитисом¹ встретился как-то в Москве лет двенадцать тому назад, и только; его я припоминаю себе очень смутно; с Янулайтисом² случайно познакомился минушим летом у графа Влад. Зубова (в Ков. губ.) заужином; Вайнейкис³, когда я проживал в Митове, прислал мне из Москвы рукописный сборник литовских сказок, после чего я с ним не встретился и не переписывался; Чапас⁴ женат на моей сестре, но уже пять или шесть лет будет с того времени, как я раззнакомился с ним по причинам совершенно интимного характера; Монгирда⁵ я считал даже поляком; у Шлюпаса⁶ я гостил дней десять два года тому назад и считал его лишь хорошим врачом (и дамским кавалером), и т. д. Ни с одним из них, по крайней мере, последние пять лет я не состоял в переписке

2). Никто никогда не посылал мне литовских изданий, и я никогда не занимался распространением их. Никому и никогда я не давал литовских книг для распространения в народе.

* О „сношениях“ или „постоянных сношениях“ с названными лицами мне говорится и в постановлении от 10 сего декабря.

1. J. Kairiūkštis (1855—1937) pedagogas, tuo laiku Seinų progimnazijos.
2. A. Janulaitis (1878—1950) teisininkas, istorikas, 1900 m. pašalintas iš Maskvos universiteto už anticarinę veiklą.
3. L. Vaineikis (1869—1938) gydytojas, pažangus visuomenės veikėjas.
4. M. Čepas (1866—1962) teisininkas, „Varpo“ bendradarbis, J. Jablonskio svainis.
5. V. Mongirdas (1877—1960) gydytojas, lietuviškų spektaklių Palangoje dalyvis, literatas.
6. J. Šliūpas (1861—1945) gydytojas, žinomas visuomenės veikėjas, ateistas.

3). Виновным в „составлении статьи (речь идет о моей записке) для преступного литовского органа“ я себя не признаю. Моя записка, называемая в постановлении статьей, никогда для печати не предназначалась и нигде не была напечатана. Никакая сила не может меня уличить в напечатании этой записки. В том виде, как она составлена, она никому не была отправляема. Она была составлена под впечатлением частых писем больного товарища Кудырки, её содержание или, вернее сказать, мысли были переданы в письме тому же Кудырке, лишь как мысли для успокоения и ободрения в тяжёлом состоянии больного, чахоточного человека. Признаю, что легшая в основу этой записки мысль неуместна для человека, старающегося всегда действовать на законном основании. Я бы желал, чтобы смягчающим для меня в данном случае обстоятельством служило составление самой записки под влиянием неблагоприятных условий и преследование ею целей, хотя и незаконных, но благотворительных.

4). Что „псевдоним Обелайтис“ под невинными статьями филологического содержания, помещенными в газете „Varpas“, — относится ко мне, — признать этого не могу* Я давно занимаюсь вопросами, связанными с литовским языком, у меня есть много заметок по этому языку (особенно материалов для литовского словаря); мои бумаги доступны всем и каждому; многие литовцы обращаются ко мне с разными вопросами, связанными с этим языком, я им охотно отвечаю на эти вопросы, иногда в пространных письмах, потому что они же, эти литовцы, доставляют мне также разные материалы как по языку, так и по этнографии литовцев. Из черновика моего письма Кудырке видно, что некоторые мои объяснения, по своей нескромности, он даже печатал (из этого же черновика видно, что мне это было известно и коробило меня); возможно, что так-же бесцеремонно поступали иногда и некоторые другие лица с моими заметками и объяснениями. Но я сам никогда не посылал в газету „Varpas“ статей и никому не давал для передачи или пересылки их Varpas. Возможно также и то, что некоторые лица, составляя статью на основании моих материалов или печатая их целиком, подписывали под статьей „Obelaitis“, указывая этим, что статья эта в сущности должна принадлежать не ему, а „Обелайтису“, фамилии напоминающей в переводе на русский язык мою. Что слово „Obelaitis“, насколько поддается переводу, может значить „Яблонский“, ровно ничего не доказывает. Во-первых, в газете „Varpas“, как сказано Либавским переводчиком моего черновика, есть псевдоним или фамилия „Kazim. Obelaitis“, а не просто „Obelaitis“; решительно не могу объяснить себе, почему в постановлении от 10 сего декабря в.м. „Казим. Обелайтис“ наши нужным писать прямо „Обелайтис“. Во-вторых, если литовские псевдонимы и фамилии, встречающиеся под статьями „Varpas“ и других периодических изданий, переводить на русский язык, то сотрудником этих изданий может оказаться любой русский человек, не имеющий никакого представления об этих изданиях. В-третьих, товарищи в гимназии и потом в университете прозывали иногда меня „Обелайтисом“ (а не „Обелайтисом“). Если бы мне были представлены статьи за подписью „Kazim. Obelaitis“ или просто „Obelaitis“, я бы не обинуясь сказал, что в них исходит из моих материалов, и чего своим признать не могу. — Скажу по поводу Obelaitis'a ещё несколько слов. Когда-то мне пришлось видеть „Szkice węglem“ (Очерки углем) Генр. Сенкевича, в переводе на литовский язык, помещенные в одной из литовских газет; под переводом значилось J. J. (инициалы моего имени и моей фамилии в латинской транскрипции); но что из этого следовало? ровно ничего! перевод принадлежал не мне. Мало того; Мне известно, что це-

* Ротмистр Воняцкий за филологические статьи Varpas'a с другими псевдонимами не винит меня.

лые грамматики на литовском языке (проф. Казим. Явниса и еписк. А. Бароновского) и некоторые стихотворения (еписк. Ант. Бзрановского) были напечатаны за границу и частью гектографированы в пределах России без ведома и помимо воли их составителей. Проф. Каз. Явнис даже публично протестовал против такого злоупотребления. Из библиотеки Ковенской Духовной семинарии была украдена литовская рукопись давно умершего Довконта и, по напечатании её в Америке, возвращена в Ковну. Едва ли, однако, Каз. Явниса, Ант. Бароновского и Ковенскую Духовную семинарию можно за это винить. Я уверен, что епископ Ант. Барановский сам не знает, что его заметки по литовской грамматике, записанные когда-то некоторыми из его учеников, изданы в последнее время за границу (в обработке его учеников). Я перевел приблизительно два года тому назад биографию Ломоносова и представил перевод в С. Петербургский Цензурный Комитет (Комитет отношением от 7 января 1878 г. за № 109 не разрешил его печатать в виду латинского шрифта представленной мною рукописи). Если бы кто-нибудь похитил этот перевод у меня и напечатал его за границу (перевод этот хранится до сих пор у меня), я бы не считал бы себя ответственным за напечатание его за границу и распространение в народе, несмотря на то, что в рукописи значится: „vertė (переводил) J. J.“, где J. J. значит „И. Яблонский“. — Как бы то ни было, если есть какое-нибудь лицо, утверждающее по каким-нибудь основаниям, что „Kazim. Obelaitis“ или „Obelaitis“ относится именно ко мне, я прошу ротмистра Вонсяцкого устроить мне оную ставку с этим лицом и затем допросить это лицо под присягою.

5). Ни разу я не бывал на литовских спектаклях, ни на литовских балах. Мне известно, что представления на литовском языке были в Либаве, Митава и Полангене (с разрешения надлежащих властей). Ни об одном литовском бале последние годы (так был поставлен вопрос) я не слышал. С какою целью давались литовские спектакли, кто их организовал, куда уходили деньги, выручавшиеся от продажи билетов, — я решительно ничего не знаю.

6). Из Митавы в Ревель перевели меня 4½ года тому назад вследствие закрытия в Митавской гимназии нескольких параллельных классов. Меня перевели одновременно со Шванбергом. Причину перевода моего так мне объяснили тогда в Округе. На наше место в Митаву никого не назначили, потому что, с нашим уходом, вакансии в Митавской гимназии не образовались.

Остальные вопросы, мне заданные, (Все сказанное мною на заданные вопросы сверх изложенного имело)⁷ очень мало имели отношения ко мне лично и содержание их не ставилось мне (судя по постановке вопросов) в вину даже ротмистром Вонсяцким. Поэтому не считаю нужным здесь и упомянуть об этих моих показаниях.

Кроме изложенного, мною даны ещё следующие объяснения по вопросу, затронутому ротмистром Вонсяцким в его постановлении от 10 сего декабря.

В постановлении сказано, что, в виду неимения в г. Либаве всех периодических изданий на литовском языке, нельзя установить того факта, что составленная мною записка, которую называют там статьею, напечатана в каком-нибудь преступном литовском издании. Мне остается только пожалеть о том, что этих изданий в Либаве не имеется: если бы там были все названные издания за последние годы, можно было бы установить тот факт, что записка эта, как не предназначавшаяся для печати, нигде печатана не была. Об обстоятельствах, при которых она составлена, я говорил как в ответе на поставленные мне вопросы, так и при допросе меня в качестве свидетеля.

7. Skliausteliuose įrašyta frazė, matyt, išleistina — išbraukta.

Меня считают автором каких-то невинных статей по литовской филологии и называют меня в следствие этого сотрудником газеты „Vargas“. Отчего бы в таком случае, при неимении всех литовских газет в г. Либаве, не заглянуть, для проверки моих слов, в тот орган, одним из сотрудников которого меня в данном случае считают? Ведь орган этот, по-видимому, хорошо знаком в Либаве. Почему у ротмистра Вонсяцкого в одном случае (для доказательства факта моего сотрудничества) имеются литовские издания, а в другом (для установления факта напечатания или ненапечатания моей „статьи“) их не имеется? Решить этот вопрос я затрудняюсь. Затем, черновику моего письма, отправленного моему товарищу Кудырке, не хотят придавать значения, как документу, писанному мною самим, и называют его прямо фиктивным. Не потому ли этот черновик не имеет в глазах ротмистра Вонсяцкого значения, что он меня не изобличает и моим отношениям к Викентию Кудырке и содержанию моей записки (побудительными мотивами, которыми я мог руководствоваться при её составлении) придает настоящее освещение? Почему же в таком случае придаю значение названной выше записке, досконально зная, что и она писана мною самим, и взята у меня вместе с другими вещественными доказательствами? Очевидно, в Либаве предполагают, что черновиком письма я имел в виду прятать концы в воду, но в таком случае в Либаве должны считать меня ужасным тяжкодумом, не сообразившим и того, что для этой цели (чтобы спрятать концы) проще всего было бы уничтожить у себя следы преступности (роковую записку). Я не тяжкодум: голова у меня в порядке и работает „вполне удовлетворительно“; это, надеюсь, засвидетельствуют и мои товарищи (преподаватели Рев. Алекс. гимназии).

Мою записку и черновик письма можно было бы дать экспертам. Я желал бы, чтобы они, принимая во внимание все имеющиеся в их распоряжении данные, высказались относительно времени появления на свет этих вещественных доказательств. Мне желательно было бы знать, что они скажут о моем объяснении по поводу этих доказательств, насколько это объяснение говорит о времени их написания.

Слова постановления: „составленная Яблонским статья (zeil. моя записка), при сооставлении с тем, что последний является сотрудником противоправительственного органа „Vargas“, получает должную окраску“ — являются для меня также необъяснимыми: меня считают автором каких-то невинных статей по литовской филологии и в этом смысле, по-видимому, понимают мое сотрудничество в „Vargas'e“, но при этом находят возможным утверждать, что я должен был предназначать для печати или напечатать нечто не имеющие ничего общего с филологиею. Политика и филология как-то не вяжутся.

Моя записка имеет громкое заглавие и тщательно, говорят, обработана. У меня было найдено во время обыска очень много всяких писаний, громко озглавленных и тщательно обработанных; но эти письменные материалы лежат у меня уже несколько лет и нигде печатаемы не были. Они мне возвращены в г. Ревель, но я могу их ещё раз представить, если понадобится, в г. Либаву, как доказательство того, что я только что говорил. Заглавие и обработка ровно ничего не говорят.

В постановлении сказано; „указание Яблонского, что записная книжка (=тетридь с филологическими заметками, имеющая вид записной книжки), в коей записана (какою-то другою рукою) передача в Луоки значительного количества преступных изданий, принадлежит не ему, при чем не указывает кому, также всецело остается вещественным доказательством, его уличающим“. Винить меня за нахождение отданных или присланных мое распоряжение филологических заметок и за то, что в них кто-то (не лицо, писав-

шее эти заметки) вписал карандашом о передаче куда-то литовских изданий, по меньшей мере не следовало бы, хотя назвать автора книжечки я не могу. В дополнение к тому, что мною было сказано по сему вопросу при допросе меня в качестве свидетеля, могу прибавить лишь следующее: человек, — у которого так много всякого этнографического и лингвистического материала, который собирает этот материал от всякого встречного и поперечного, которому присылают материалы по языку иногда люди совершенно неизвестные, — может не знать, кем занесена в них та или другая злополучная запись. Если бы спросили других людей, занимающихся собиранием этих материалов, они, надеюсь, подтвердили бы только что сказанное мною.

Ротмистр Вонсяцкий обвиняет меня и потому, как сказано выше, что я будто бы автор помещенных в „Varpas'e“ статей по литовской филологии. Если бы даже не удалось установить, что не я писал „Varpas'y“ упоминавшиеся выше статьи, то все же непонятно будет применение ко мне за эти статьи какого-либо места из Уложения о наказаниях. В самом деле, если бы даже допустить на время, что я автор филологических статей за подписью „Kazim. Obelaitis“, — что из этого должно следовать, что я виновен по какой-нибудь статье Уложения? Никогда! Автор филологических статей всегда останется автором только филологических статей и никакой ответственности за них подлежать не может, где бы их не печатал. Едва ли найдется в нашем законе какая-нибудь статья, ограничивающая печатание таких статей известными лишь органами; важно ведь не то, в каких органах печатается, а то, что пишется.

В виду всего сказанного, постановление ротмистра Вонсяцкого о привлечении меня в качестве обвиняемого по 252 ст. Улож. о нак. меня, даже не специалиста по юридическим наукам, приводит в полное недоумение. Прежде всего, инкриминируемая мне записка, помещавшаяся на половине полулиста, никоим образом не может считаться одним из тех сочинений, о которых упоминает 252-ая статья Уложения. Кроме того, содержание этой нигде не напечатанной записки таково, что, если бы я ее даже отдавал в печать, и то за нее не отвечал бы по 252 ст. Ул. о нак.: статья эта наказует авторов таких произведений, которые направлены либо против права Верховной Власти, либо против установленного государственным законами образа правления (у нас образ правления монархический, следовательно против самодержавия), либо, наконец, против порядка наследия престола, — и только. Спрашивается, как можно найти что-либо общего в содержании моей записки и тех произведений, о коих говорит 252-ая статья, помещенная, кстати сказать, в отделе „о бунте против Власти Верховной“. Правительство и особенно Верховная Власти называются по-литовски „Vurjausybė“; этого слова, насколько помнится, там нет: литовцев „преследуют“, когда находят у них литовские книжки, местные власти, стоящие ближе всего к народу.

В постановлении от 10 сего декабря сказано приблизительно следующее: „статья Яблонского изобличает полное знакомство автора с преступной литовской организацией, существующей в России, что возможно лишь для человека, вполне посвященного в подобный рода конспиративные дела, т. е. члена этого же сообщества; принадлежность к этому сообществу устанавливается как вышеприведенными данными, так и близким знакомством его с известным политическим деятелем Кузьбрюко и знакомством с обвиняемыми по настоящему делу, членами вышеуказанного сообщества“

Я знаю гораздо больше о том, что творится в Литве, не только то, что затронуто моею „статьею“, но тем не менее ничего не знаю о преступной литовской организации, существующей в России. Я езжу часто в Литву, встречаюсь со многими литовцами, как с

простолудинами, так и с лицами интеллигентными, собираю между ними материалы по литовской филологии и этнографии, читаю русские газеты, в которых от времени до времени пишутся разные статьи о жизни и нуждах литовцев. Как таковой, я должен знать многое и многих. Я знаю, что почти у всякого литовца найдется молитвенник, изданный за границу; знаю, что литовские книги и другие издания печатаются за границу, водворяются в России контрабандным путем и затем распространяются в народе только потому, что в пределах России нет для литовцев (для народа) изданий, печатанных латинским шрифтом. Я лично желал бы, чтобы этот привоз заграничной пищи для литовцев прекратился как можно скорее, но я, к сожалению, глубоко убежден в том, что это возможно будет только тогда, когда разрешат литовцам печатать книги и в пределах России любым шрифтом, и печатание этих книг и изданий будет проходить через цензуру. — Несмотря на все это, я не считаю себя посвященным в конспиративные дела литовцев и членом какого-либо преступного сообщества себя не признаю. Что я близок знаком был с Кудыркою* или что я знаком с некоторыми из обвиняемых по настоящему делу, — это ровно ничего не доказывает. Если я виновен в том, что знаком с этими людьми, то в этом виновны и все другие лица, как русского, так и литовского происхождения, знакомые с ними. Кстати, мой черновик письма Кудырке склонны считать фиктивным, а устанавливаемое им „близкое знакомство“ с тем же Кудыркою, считают обстоятельством, разъясняющим дело?! — Прибавлю ещё, что, ездя по Литве, — я её почти всю изездил, — я должен делать только свое дело, только то, что меня занимает, и не должен расспрашивать литовца о делах интимного характера. И так уже относятся в Литве с большим недоверием ко всякому незнакомому или приезжему человеку, если он не одет в армяк, и склонны видеть в нем „недоброго человека“ (шпиона). Я сам неоднократно испытывал это на себе: меня самого принимали за такого „недоброго человека“.

Никоим образом не могу признать себя виновным по 318 ст. Улож. о нак.

После всего сказанного мною остается только пожелать, чтобы суд правый и милосливый как можно скорее произнес свое авторитетное слово по моему делу.

Иван Яблонский.

г. Ревель, д. 18 дек. 1900 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ПОПЕЧИТЕЛЮ РИЖСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА.

Преподавателя Ревельской Александровской гимназии Ивана Осиповича Яблонского

ПРОШЕНИЕ*

В виду тяготящих на мне тяжких обвинений, хотя и несопряженных со службою, не нахожу удобным служить в качестве преподавателя учебного заведения. Посему имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об увольнении меня от занимаемой

* Кстати сказать, о „сношениях“ с обвиняемыми не говорит и ротмистр Воксяцкий.

8. Ant pareiškimo užrašytos dvi rezoliucijos: pirmoji — „Уволить согласно сему прошению с 1-го января 1901 г.“; antroji mikrofilme neįskaitoma.

мною в настоящее время должности преподавателя древних языков Ревельской Александровской гимназии.

Если возбужденное против меня дело, как я твердо уверен, окончится для меня благополучно, покорнейше прошу иметь меня в виду при замещении могущей быть вакантною (в каком-нибудь учебном заведении вверенного Вашему Превосходительству округа) должности преподавателя древних языков.

Иван Яблонский.

г. Ревель, 8 янв. 1901 г.

Parengė A. Piročkinas